

АРМЕН ДЖИГАРХАНИЯН:

Умираю, воскресаю, плачу

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Где только не приходилось мне брать интервью, но что однажды с диктофоном попалу в Сандуновские бани, никак не ожидала. Тем не менее в назначенный час, переступая через шланги, проходя мимо людей, обернутых в полотенца, отдыхающих на кожаных диванах, я вошла в холл. Место действия объясняется просто. В этот день здесь снимался один из эпизодов фильма "Белая собака", в котором роль частного сыщика играет Армен Джигарханян. Начали разговор с того, как появился театр "Д" и какую роль в нем Армен Борисович отводит себе?

- Все элементарно. Ребята окончили институт год назад и оказались на улице. Хотел было организовать студию при Театре имени Вл. Маяковского, но никому не нужна головная боль. Поэтому мы решили просто собраться, поиграть что-то из дипломных спектаклей. Начали с малого. Одно потянуло за собой другое. Московские власти отнеслись с пониманием, не задавали вопрос, который обычно задают: "Зачем еще один театр?". На что я всегда отвечаю: "А зачем рожать детей, их и так много". Создавая театр, я не открываю ничего нового, не стремлюсь реализовать свои амбиции. Просто хочу общаться с актерами, буду сам играть, но вот ставить спектакли — увольте, не мое это дело.

- Чего, на ваш взгляд, не хватает молодым?

— Того, что не присуще молодости. Душевного покоя, последовательности в достижении намеченной цели. Так уж устроена жизнь. С годами человек набирается опыта. Не знаю, природное

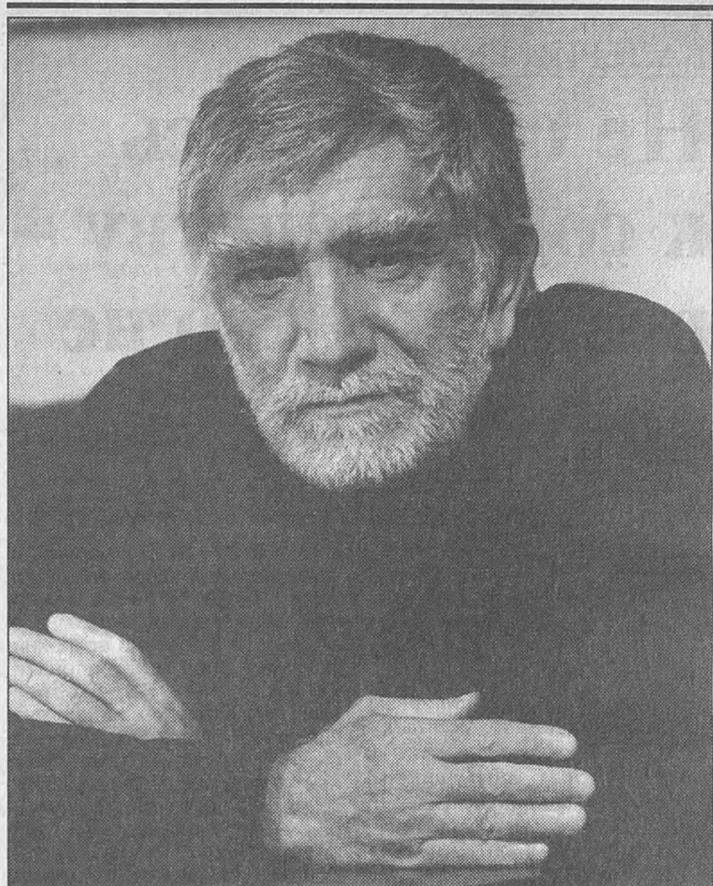
это качество или приобретенное, но очень важно, чтобы была потребность анализировать, не для того чтобы остановиться и долго думать об этом, а во имя дальнейшего движения. Скажем, в спектакле у меня была неудачная сцена. Я должен сегодня понять, почему так произошло, чтобы завтра не допустить подобной оплошности.

- Армен Борисович, вы можете дать определение актерской профессии?

— Если уж совсем честно говорить — это самоудовлетворение в присутствии посторонних. На сцене я проживаю чужую жизнь. Умираю, воскресаю, плачу, смеюсь. Я взрослый человек, мне 60 лет, в зале зрители, а я занимаюсь такими несерьезными вещами. Однако в момент игры мне все равно, что подумают обо мне люди. Я не боюсь быть смешным даже во время трагического монолога, моя профессия изначально смешная. Я не раздражаюсь, если слышу непредсказуемую реакцию. Во время спектакля "Последняя лента Крэппа" одна женщина, крикнув "позор артисту", вышла из зала. Поверьте, у меня никакого зла на нее нет, это ее восприятие.

- Вам интересно играть злодеев?

— Для меня не существует отрицательных или положительных ролей. Если я буду обеспокоен проблемами персонажа, мне будет одинаково интересно играть Гамлета и Клавдия, Отелло и Яго. Для одного он негодяй, для другого "годяй". Может быть, люди виноваты, что он стал таким. Нужно разобраться, а не обличать. Что получится, если врач скажет: "А, вы уже умираете", — и отвернется, не пытаясь помочь. Вот и в искусстве речь идет о врачевании, а не о приговоре. Факт злодеяния определяют юристы. Я давно знаю, что если быют прикладом старую женщину, — это плохо, мне не нужно это доказывать, но мне нужно по-

нять, почему поднимается рука.

- Вы столько лет на сцене, порой приходится по многу раз играть одну и ту же роль, с годами не наступает усталость?

— Я очень влюбленный в свое дело человек. Бывает физическая усталость, когда даже чай выпить неохота, но это все вещи временные. То, что я играю пятый или двадцатый спектакль, не имеет значения, ведь сегодня я другой, чем был вчера. Это не есть трудность профессии.

- В чем же тогда трудность?

— В актерской профессии есть опасная вещь. Я определяю ее так: "неживой". Это когда у актера умерло восприятие, притулилась реакция, и он играет образ. В авиации летчика, не прошедшего тесты на быстроту реакции, списывают. В нашем деле, наоборот, говорят: "Что вы, ведь он народный артист, лауреат". Сам для себя я определяю это не могу, поэтому прошу жену, которой доверяю, чтобы, несмотря ни на что, она меня не щадила, была строга. Я найду себе дело. Может быть, даже не брошу сцену, но я буду знать, что мне нельзя играть короля Лира, потому что опустошенного человека должен играть суперпереполненный актер.

- Можете ли искусство хотя бы в чем-то помочь людям?

— Наивно рассчитывать на это. Оно может лишь создать некий климат, в котором нельзя будет делать непристойные вещи. Ведь все равно к любой истине каждый приходит сам. Прожив много лет, я могу это сказать. Человек должен упасть, подняться, и тогда искусство будет тем компрессом, который поможет вылечить ушиб. Миссия искусства в создании атмосферы нетерпимости к равнодушию и злу.

- Похоже, американцы нашли способ. У них герой машет кулаками налево, направо, и проблема решена.

— Вообще это очень мудрая политика в искусстве. Человека обидели на работе, в транспорте, он не смог постоять за себя. Пришел домой, включил телевизор, а там Сталлоне справляется с целым отрядом, и как-то спокойнее на душе оттого, что кто-то может отомстить. Мы же говорили, что у нас страна победившего разума, что бить надо не кулаками, а словами. Наверное, и у нас со временем появится такой герой. Если бы только кино снимали, как прежде. А то из 26 серий, где я играю сыщика, снято только три, а на остальные денег нет.

Беседовала
Татьяна ПЕТРЕНКО